

Интервью дает режиссер Ленинград. правда. — 1990. — 19 июня Театр жизни и театр сцены

ДОБРЫМИ друзьями расстались после премьеры польский режиссер Кшиштоф Бабичкий и актеры Академического театра имени Ленского. Памятью об этой встрече останется спектакль «Западная» по пьесе поэта и драматурга Тадеуша Ружевича. Она впервые поставлена в СССР, а на сцене Гданьского театра «Выбжеже» идет уже шесть сезонов. За эту работу постановщик в 28 лет был удостоен премии критики имени Конрада Свинарского — высшей награды для режиссера. Международная известность рано пришла к этому мастеру — воспитаннику государственного Краковского колледжа режиссуры. Он стажировался в Риме, Лондоне и Токио, ставил спектакли в Финляндии, ФРГ, Люксембурге. И вот теперь — первая встреча с советской труппой.

— Кшиштоф, какие времена, по-вашему, переживает театр сегодня!

— Увы, далеко не лучшие. Нередко публику более увлекает театр бурлящей улицы и кабинетов, где вершится большая политика. Мы неминуемо проиграем, если будем гнаться за газетой, служить публицистике и руководствоваться политикой. Театр должен воздействовать на людей своими средствами. И уж конечно, без самоуверенных рекомендаций зрителю, как ему жить. Я за такой театр, который защищает право любого человека на свое слово, видение, мнение. И еще я за театр умный, интеллектуальный, который не довольствуется только тем, чтобы развлекать. Потому что, если мы окажемся глупее тех, кто сидит в зале, они уйдут и больше не вернутся.

— Какой же путь уготован театральному кораблю в современном бурлящем мире!

— Уважающий себя театр должен оставаться самим собой, не подстраиваясь под конъюнктуру. Это мне стало ясно после декабря 1981 года, когда с разгромом «Солидарности» режим решил окончательно растоптать всю нашу надежду и веру. Власть пыталась через прессу и телевидение представить дело так, что ничего не произошло. Но театр сказал — нет. И объявил бойкот телевидению. Мы играли спектакли, которые ожидал зритель, а не правительство. И мы добились того, что зритель стал уважать театр за его мужество и неподкупность.

— Почему для ленинградского дебюта вы остановили свой выбор именно на Ружевиче!

— Потому что его знают у нас хуже, чем, к примеру, Мрожека, а это несправедливо. К тому же я считаю «Западную» одной из лучших пьес послевоенной драматургии. Следуя биографии писателя Франца Кафки, Ружевич создает объемный и трагический по сути портрет великого мастера, обреченного самой своей природой на предчувствие будущих катастроф. Из 20-х годов он увидел не только страшные 40-е, но и тоталитаризм вообще, который давит общество независимо от эпохи. Не случайно же в 1968 году в Чехословакии запретили Кафку. Вслед за ним Ружевич показывает, как на смеющую громким словам, потерявшим смысл, приходят лагеря, интервенция, пытки, газовые камеры.

— Следите ли вы, Кшиштоф, за современной советской

драматургией и что думаете о ней!

— Наш журнал «Диалог» публикует советские пьесы. Недавно испытал потрясение, прочитав «Театр времен Нерона и Сенеки» Эдварда Радзинского. Собираюсь поставить его. Но все же, если говорить в целом, в советской драматургии мне не хватает глубокого дыхания и взгляда на драму человеческой жизни без сегодняшнего анекдота.

— Одной из ваших принципиальных удач критика назвала постановку «Вишневого сада». Следует ли из этого, что Чехов входит в число близких вам драматургов!

— Из русских он — самый любимый (хотя преклоняюсь и перед Достоевским, и перед Булгаковым). Только не стал бы так радужно говорить об успехе «Вишневого сада». Были у спектакля и убежденные противники. Дело в том, что я не очень почтительно обошелся с канонами. Считаю, что Чехов, если уж решиться его ставить, должен быть лично моим — моих актеров, моего театра. Когда же говорят, что надо делать «по Станиславскому», а не иначе, — это уже не театр, а музей.

— В нашей и вашей истории многое идет «параллельными курсами». Как вы относитесь к тому, что министрами культуры и в СССР, и в Польше стали режиссеры!

— Конечно, они очень разные. Но посмотрим. По крайней мере они — люди искусства, а не дилетанты, которые сегодня руководят промышленностью, а завтра — полицией.

— Знаем, что Польша живет сейчас очень трудно. Ну а настроение людей!..

— Мы восприняли духом, и это представляется мне самым главным. За сорок лет ПОРП довела страну до полного упадка, а искусство она пыталась сделать инструментом в руках власти. Нужно благодарить людей, которые, не

смотря ни на что, боролись за независимость театра. Рад, что эти люди теперь у власти, что в моей жизни есть год больших надежд. Мы дали гала-концерт в фонд помощи правительству. Первый раз в жизни я посыл, что это — мое презрительство. Благотворительные концерты прошли также в Варшаве, Кракове. А еще радует, что у нас нет больше цензуры, с которой у меня всегда были сложные отношения.

— В новых политических условиях, как вы думаете, Кшиштоф, есть ли перспектива у сотрудничества двух ваших театров!

— Есть, конечно, есть. Только в основе этих связей теперь будет не сигнал сверху, а нормальный человеческий и профессиональный интерес. Это идет от души. Вам в России и нам в Польше набили оскомину однозначные решения. В новых контактах человека с человеком мы имеем право быть самими собой — и это вовсе не означает, что между нами конфликт.

— Как вам работалось в Ленинграде!

— Я совсем забыл, что работаю не в своей стране и не на своем языке. Все отлично организовано, есть общая увлеченность делом, о таких условиях можно только мечтать. И вообще опыт моих зарубежных постановок убедил меня в том, что контакт профессионального взаимопонимания в театре возникает быстро. Это универсальность европейской культуры, которая стоит одной ногой на Библии, другой — на «Илиаде».

Так вот соединились в нашем разговоре два театра — жизни и сцены. И так же, как в спектакле «Западная», эти две стихии перетекают друг в друга, наполняя наше бытие тревогой и надеждой.

О. СЕРДОВОЛЬСКИЙ,
корр. ЛЕНТАСС. — для
«Ленинградской правды»

Фото И. Куртewa
(ЛЕНТАСС)

